

АМИ Д. ПЛАТ

РУИНЫ ТИГРА- ОБИТЕЛЬ ФЕНИКСА

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

фэнтези

МИФ

Red Violet. Магия Азии

АМИ Д. ПЛАТ

РУИНЫ ТИГРА - ОБИТЕЛЬ ФЕНИКСА

Москва
МИФ
2025

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
ПЗ7

Плат, Ами Д.
ПЗ7 Руины тигра — обитель феникса / Ами Д. Плат. — Москва : МИФ, 2025. — 352 с. — (Red Violet. Магия Азии).

ISBN 978-5-00214-879-0

Ван Гуан, младший сын Тигра-небожителя, рос один в затерянном замке и не должен был унаследовать великую и опасную силу своего отца. Но судьба распорядилась иначе. Теперь нежному и неопытному юноше придётся возглавить преступную сеть, противостоять новому императору, влюбиться в коварную соблазнительницу, разбить собственное сердце и выстроить вокруг себя нерушимую стену.

На этом пути его поддержат брат, мудрый наставник, начальник охраны и чужеземец, которому Ван Гуан поможет подняться с самого дна. Но кто из них окажется настоящим другом, а кто предателем?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00214-879-0

© Плат А. Д., 2025
© Оформление. ООО «МИФ», 2025

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Ветер срывает тёмно-бурые листья и кружит, кружит по всему саду. Те падают на влажную пахучую землю, образуя мягкий ковёр. Мне невыносимо сидеть за свитком с кисточкой и тушью и бессильно глядеть в окно. Пухлые, налитые облака бегут по лазурному небу — явно к вечеру пойдёт дождь, а сейчас короткий просвет, когда можно нагуляться. Я закусываю губу. Думаю, мама простит, если я ненадолго без спроса убегу наружу. Конечно, пожурит, но не всерьёз. Скажу в своё оправдание, будто не хотел гулять после ливня, чтобы не запачкаться.

Беру тёплую накидку от ветра и тихонько, никем не замеченный выбираюсь в сад. Со стороны озера доносятся крики уток. В саду собрали почти весь урожай, даже айву и самые поздние груши, лишь хурма стоит вся в рыжих солнечных шариках.

Мне нравится, как пахнет осень: влажно и терпко, преющим сеном и звериным мехом, кострищем

со стороны кухни, где вялят фрукты на зиму. Огонь разжигают раз в несколько дней в глубокой яме, потом вокруг оставшихся углей на глиняных черепках раскладывают собранный урожай, в основном груши и яблоки, и закрывают большой крышкой. Мама сама руководит поваром и служанками. Ей нравится такая работа.

Хрустит сук, я оборачиваюсь на шум. Сердце дёргается в груди: вдруг это кабан или медведь случайно забрёл из леса? А я один и без оружия.

На дереве сидит девчонка — не старше меня, лет двенадцати. Солнце мелькает среди облаков, играет на её коже и на поспевающих рыжих плодах.

— Как ты забралась так высоко? — кричу я.

— С неба спустилась, дурачина, — отвечает она и смеётся.

Потом опасно поднимается на обе ноги, делает шаг по толстой ветке. Кажется, ей не подходит любая хурма, и она тянется к одному, особенно большому плоду. Я наблюдаю, как медленно рука сжимается на тонкой коже, а нога соскальзывает и девочка летит вниз.

— Ай-ай-ай!

Я подбегаю и вижу, как пальцы впились в хурму, плод лопнул, и в руке осталось ярко-оранжевое склизкое месиво. Девочка поднимает на меня влажные чёрные глазки и улыбается.

— Всё-таки упала, — констатирует она и беззастенчиво задирает порванные полы своего нежно-морковного костюмчика.

Смотрю на белоснежную кожу и окровавленную коленку и невольно охаю.

— Сбегаю позову маму, — предлагаю я.

— Стой, мне страшно тут одной.

— Тогда давай руку, отведу домой. Нужно обработать рану. Ты с родителями приехала?

— А твоя мама добрая? — спрашивает девочка. — Она человек?

— Конечно, — отзываюсь я, её слова отчего-то меня задевают. Какой ещё может быть моя мама?

— Лучше помоги. — Она беспомощно протягивает ко мне ладонь, по которой размазана липкая и сладкая хурма. — Меня пчёлы кусают.

— Уже нет пчёл, осень.

— А что они делают?

— Спят, наверное.

Я хмурю брови, но принимаюсь счищать скользкую мякоть с её руки.

— Не надо лазать по деревьям, если не умеешь. Это не девчачье дело.

— Уверена, я лазаю лучше тебя.

— Ещё чего. У кого из нас коленка разбита?

Кровь так ярко алеет на белой коже среди тусклого осеннего пейзажа, что мне становится не по себе. Я громко сглатываю, и отчего-то глаза начинает щипать. Хочу что-то сказать, но слова застревают в горле вишнёвыми косточками. Что это за девочка? У нас ведь никогда не бывает гостей.

— Тогда достань мне другую хурму, — просит незнакомка.

Беспомощно оборачиваюсь к дому. Оттуда уже бежит мама, и полы ханьфу развеваются на ветру. Оно такое ярко-зелёное, когда всё вокруг пустеет и отцветает.

— Гу-эр!* — кричит она.

* «Эр» — уменьшительно-ласкательный суффикс к именам детей. *Здесь и далее прим. авт.*

Всё началось, когда исчезли драконы. Хорошенько поразмыслив и сопоставив факты, к такому заключению я пришёл в конце концов. И так же мне говорила *она*. Нет, это произошло не за один день — медленно, постепенно сгущалась тьма. Я понял, лишь когда стал значительно старше. Ни люди, ни более могущественные существа не подозревали, в чём дело. Разрушения пошли с мелких неурядиц и неурожаев. Веками императорская династия Страны Бесконечной Гармонии слабела. Землю раздирали войны, чужаки то и дело пытались её разделить, провинции враждовали друг с другом.

Наш народ оказался слабее степных кочевников. Даже отец — существо сухое и сдержанное — рассказывал о тех временах с неприязнью. Будь он обычным человеком, говорил бы с ужасом. Когда родился мой старший брат Ан, на востоке поднялась новая

династия правителей. Поговаривали, им покровительствовали небожители. Однако не чувствовалось в тех людях необходимой силы, чтобы сплотить всю империю и вернуть былое могущество, — так считал отец.

Прошёл почти век. Отец взял в жёны другую смертную, копил богатства, строил замки. Тем временем его прогнозы насчёт восточного царства сбывались, поэтому он решил захватить судьбу жителей равнин, гор и степей в свои руки.

Он забрал старшего сына и ушёл на войну со своей армией, оставив нас с матерью в прекрасном месте. Я лишь смутно помнил суровое лицо отца и зловещие истории, которые он рассказывал мне в назидание. Я был малышом и просто жил свою маленькую незначительную жизнь, окружённый заботой и теплом, не понимая, что происходит.

Мать напивала меня любовью, учила бережному отношению к окружающему миру, игре на музыкальных инструментах, стихосложению, чайной церемонии и рисованию. Если бы отец узнал — непременно пресёк бы эти занятия как неподобающие мальчику, с его точки зрения. Но, к нашему с матерью счастью, его тогда не интересовала жизнь младшего сына, которому не стать наследником. Судьба была ко мне благосклонна, и я надеялся прожить спокойно и счастливо в нашем далёком от мирской суеты небольшом замке.

И вот теперь я лежал с закрытыми глазами, вспоминая безмятежное детство и жалея себя. Боль пульсировала в ране на боку. Кровавые цветы распускались

на пропитанной пóтом и страхом ткани под доспехом. Я закрыл руками лицо и упивался жалостью к себе, перебирая моменты прошлого от самых давних к самым последним.

Когда мать умерла, а я был уже достаточно взрослым, чтоб отец мог втянуть меня в свои военные кампании. Войска его продвигались к востоку, подчиняя и объединяя бедствующие территории. Отец не мог законно править людьми, не разгневав небожителей, поэтому искал ставленника — человеческую марионетку. Наверное, втайне надеялся посадить на императорский трон моего брата Ана, которому ещё предстояло заслужить славу и почёт среди народа, но и к другим претендентам присматривался.

Я не нужен был отцу совершенно, но почему-то, даже не дав отгоревать, он отправил меня обучаться военному делу на практике. Сперва мне вверили отряд, однако я ничего не знал ни о тактике, ни о боевых искусствах, лишь худо-бедно владел мечом да луком. Это стало неприятным открытием для отца. В гневе он был страшен, от его крика тряслись стены, а в лице проступали звериные черты. Были моменты, когда я всерьёз сомневался, что он не станет убивать родного, пусть и бестолкового, младшего сына.

Отец никогда не сдавался: вместо того чтобы отпустить меня, он назначил наставников и вверил ещё несколько отрядов на завоёванных, теперь спокойных северных территориях. Сам же с любимым — если, конечно, он умел любить — старшим сыном вернулся в гущу сражений, которые кипели на юге и востоке.

Но даже после месяцев обучения я оказался не готов, когда с севера напали дикари. Зима выдалась суровой, и кочевники голодали так же, как крестьяне на наших землях, а может, и сильнее. Дикие вишни и сливы цвели редкими ароматными цветками — не так, как в плодородные годы. Сильные ливни сбили нежные, не успевшие опылиться соцветия. Землю усыпали засыхающие стебельки, и уже по весне я видел, что голод продолжится.

Почти ещё ребёнок, я наивно воображал, что смогу убедить кочевые племена объединиться с нами, силой слова или красотой искусства переломить их привычный разрушительный уклад грабежей и разбоя. Встретившись с северными всадниками лицом к лицу, я растерялся. Их коренастые гнедые лошади перебирали копытами на краю едва зазеленевшего луга, а за моей спиной замер в ожидании приказа отряд. Я лично, без страха и сомнений, вышел вперёд, желая говорить с противниками, но не добрался и до середины луга, когда позади их строя словно бы зашевелилась почва: нечто огромное, как холм, выросло из-под земли прямо на моих глазах.

Ужасный великан с фиолетово-красным лицом взревел, глядя на моё скромное войско, и взмахнул молотом. Вражеские всадники расступились. Чудовище бросилось на нас. Наставник, видя моё замешательство, перехватил командование.

Стыд сковал тело сильнее страха.

Солдаты ринулись вперёд, защищая меня, земли, лежащие за нашими спинами, и своих родных, что ждали

дома. Я обнажил длинный меч, уговаривая себя, что смогу ударить хоть чудовище, хоть человека. Клянусь, я не помышлял о побеге, но жажда жить толкала назад. Кровавый туман перед глазами то и дело вспарывали блики на клинках, я слышал крики и чувствовал две горячие дорожки слёз на щеках. Я видел, как новые исполинские фигуры выступают из леса позади всадников, но отряд сражался доблестно, и я не сомневался, что мы одержим верх.

Крепче стиснув меч, я почувствовал, как покалывает в руках, мурашки прошли по лицу, по груди и ногам. Щёки пылали, я поднял оружие над головой и ринулся вперёд. Великаны ревели так, что закладывало уши. Всё слилось в неразличимую круговерть, и вдруг за спиной я ощутил движение.

Ослеплённые и оглушённые битвой, мы не заметили вовремя приближения нового противника. Я обернулся и увидел, как над нашим лагерем поднимался густой дым, а из чащи выступили отряды в знакомой мне лишь по рассказам форме Восточной империи.

Теперь я стоял ближе всех к врагам.

— Сзади! — закричал я.

Наставник услышал меня и искусно развернул часть отряда лицом к новой опасности, но даже мне было известно, что сражаться на два фронта — гиблое дело. Я не мог понять, откуда взялось войско империи. Они как будто действовали сообща с кочевниками, но кто способен с ними сговориться?

Я поднял меч и бросился в гущу битвы, шепча как заклинание: «Я не умру». Милостивые небожители,

я не хотел умирать! Я любил свою прежнюю уютную жизнь с матерью, любил её сад, её музыку, её смех. Она мечтала о счастливой человеческой жизни для меня. Старшему брату предопределено стать преемником отца, но я-то считал себя свободным!

Вражеское войско разметало наши ряды. Мой небольшой отряд не ожидал такой спланированной и коварной атаки. Я бился изо всех сил, но видел, как солдаты замертво падают на землю. До меня донеслась команда наставника к отступлению. Последние уцелевшие ринусь врассыпную, я тоже попятился к лесу. Кличи восточного войска и северных кочевников смешались, враги погнались нас, как зверей: никого не собирались оставлять в живых.

О, как я жалел, что решил сражаться пешим! Ноги заплетались, из последних сил старался не упасть и мысленно обращался ко всем известным мне богам, которые могли бы меня спасти. Ветки царапали лицо и цепляли за длинные волосы. Не знаю, как я держался до этого, но теперь казалось, что страх вот-вот парализует меня и я упаду замертво.

Один из противников меня нагнал, холодное лезвие вспорол воздух над самой моей головой. Я увернулся и укрылся за деревом. Длинный тонкий меч взвизгнул, я развернулся и нанёс ответный удар. Кровь хлынула, я отшатнулся, будто прежде её не видел. Один на один убить человека так странно, что коленки подкашивались. Враг медленно оседал, и казалось, будто я сейчас увижу, как энергия ци покидает его тело, а из-за облаков спускается за ним небесный чиновник.

В чистом весеннем воздухе стоял лязг металла и запах крови.

Со стороны луга на меня неслись ещё двое, и некогда было раздумывать: тело само вспоминало все движения и хитрости, которым обучал наставник. Я наносил удары и вовремя уворачивался. Кажется, убил одного — я не мог сказать наверняка, ведь другой всё наступал и наступал, а я всё отражал и отражал его удары, словно небожители согласились меня защитить. Длинные мечи схлестнулись над нашими головами, и в этот момент враг выхватил короткий клинок и с рыком воткнул его мне в бок.

Острая боль, какой я не испытывал прежде, пронзила тело. Крик, подобный птичьему, вырвался из горла, но усилием воли я заставил себя не упасть на колени. Бой продолжался. Противник превосходил меня силой, он снова и снова наносил точные, жестокие удары. Словно из ниоткуда рядом возник мой наставник. Его грудь и плечи утыкали стрелы, он едва стоял на ногах, но взялся меня защитить. Его руки тяжело поднимались и опускались, казалось, учитель вот-вот выронит меч, и тем не менее сражался он невероятно искусно. Я пошатнулся и не удержался на ногах, чувствуя, как слёзы снова застилают глаза.

Наставник слишком ослаб и проигрывал. Враг торжествуяще занёс над ним оба клинка — и тогда я с криком ринулся вперёд. В момент, когда лезвие пронзило сердце учителя, мой меч плавно скользнул между рёбер врага, не встретив преград, и мы трое рухнули наземь едва живой кучей. Но я понимал, что не могу лежать

здесь на земле: восточное войско скоро примется прочёсывать лес.

Я прислушался и, пока не звучало рядом шагов, отполз от двух мёртвых тел. Бросил свой длинный меч, взял кинжал врага, оглянулся — никого — и быстро, насколько позволяла рана в боку, зашагал прочь.

Кривые ветви невысоких сосен обдирали лицо, то и дело норовя выколоть глаз. Толстый ковёр хвои под ногами заглушал шаги. Я надеялся, что меня не заметят. Сквозь латы проступала кровь, нужна была перевязка, но я не смел останавливаться. Постепенно дикий лес сменился плодовым садом. Я узнал могучие грушевые деревья. Здесь могли жить крестьяне, подчинявшиеся моему отцу. Они бы спрятали меня ненадолго.

Я продолжал идти, но не встретил ни одной живой души. Из последних сил достиг полуразрушенного каменного здания, забрался туда и тяжело сел, привалившись спиной к стене, а потом и вовсе сполз наземь. Сердце ныло от жалости к самому себе и предвкушения смерти.

Металлический привкус на языке, опухшие глаза, растрёпанные волосы, изорванная одежда — какой некрасивый финал для младшего сына Небесного Тигра. Было стыдно перед отцом и старшим братом, но одновременно спокойно: скоро я увижу мать, и, возможно, мы переродимся вместе. Я ведь так любил её. Её образ утешал и в смерти.

Не знаю, сколько я пролежал так. Солнце обходило меня полукругом. Вероятно, иногда я терял сознание,

когда приходил в себя, думал: если найдут враги — стану лёгкой и жалкой добычей. А если не найдут свои до заката — замёрзну здесь. Ведь настоящая сочная весна на северные земли приходит поздно: пока ещё ночью лужи сковывает тонкий лёд, а воздух так свеж, что кажется, будто им можно напиться. Подумав о воде, я почувствовал, что раскалённый распухший язык прилип к нёбу и едва шевелится, будто полудохлая рыба. Небо окрасилось розовым, как цветки морозостойких магнолий, что распускались в нашем саду в это время года. Хотел бы я перед смертью ещё разок взглянуть на родной замок, где провёл бóльшую часть жизни и был счастлив! Мама говорила: «Тебе суждено обрести покой. Я вижу мудрость в твоих глазах. Хотя ты совсем юн и не стремишься к покою — скорее к обратному, — добавляла она со смехом, — ты поймёшь, как это важно в старости: взглянуть на свою жизнь и знать, что обрёл мир».

Порыжевшее небо закрыла тень. Я с трудом разлепил глаза, чтобы в последний раз взглянуть на угасающее светило. Если уже видно звёзды, пусть они проводят меня в последний путь.

Но это был не конец: мне грозили новые муки. Надо мной свирепо возвышалась фигура воина, закованного в доспехи. Существо казалось настолько огромным и зловещим, что в глазах снова потемнело.

Я выругался сквозь зубы. В теле не осталось сил, но нельзя же просто так сдаться? Жалость к себе накрыла меня новой волной. Хотелось заплакать, но совершенно точно не хотелось умирать. И вдруг, будто

отозвавшись на мольбы, в теле проснулся новый огонь. Тепло полилось от низа живота вверх по телу, по рукам, потом в ноги. Будто волшебная сила оживляла меня.

Враг, не торопясь нападать, рассматривал меня через прорези шлема, а я с трудом глядел на него в ответ. На традиционной защите головы была приложена зловещая красная маска-личина. Он заметил, что я ещё жив, и замахнулся, собираясь раскроить мне череп. Навстречу удару взлетел короткий клинок в моей руке, секунду назад ещё оцепеневшей и вдруг ожившей. Лязг металла в тишине был столь оглушительным, что заложило уши. Противник отшатнулся, а я вскочил на ноги.

Сила внутри гудела и рвалась наружу, будто я стал вовсе не я. Испуганный этим ощущением, попятился назад — ведь я не наследник способностей Тигра, дара моего отца! Ничего такого во мне быть не могло. И всё же я чувствовал нечто похожее — иначе откуда бы ещё взяться этой энергии?

Враг быстро опомнился и снова напал. Я бился изо всех сил. То он наступал, то я. Клинки лязгали, сшибаясь, и сверкали в кровавом свете заката. Пот градом капал по шее и спине, кинжал казался всё тяжелее, дыхание сбилось. Но и враг тоже запыхался. Я слышал резкие сбивчивые выдохи и наносил удар за ударом, как будто моя собственная мощь только продолжала расти.

— Как вам удалось сговориться с кочевниками? Почему напали именно на наш отряд?! — Мой голос дрожал от гнева и напряжения.

Противник молчал. На себя я злился даже сильнее, чем на него, — отправиться малочисленным пешим

отрядом прямиком в ловушку было глупо и безрассудно. Если я не погибну здесь, отец сам меня прикончит.

Мы замерли друг против друга с поднятыми мечами. Он снова ринулся в бой. Проснувшаяся внутри сила вела мои руки, и следующий удар опрокинул врага наземь. Шлем с необычной личиной слетел. Длинные чёрные волосы разметались по камням, на меня недоумённо глядели огромные тёмные глаза. Передо мной лежала девушка! Это было нетрудно понять: хоть мои собственные волосы были даже длиннее, но у мужчины не увидишь такие нежные, блестящие, будто от сиропы, губы, пухлые и румяные щёки, длинные ресницы, тонкую шею и маленькие ушки.

— Да кто ты такой?! — зашипела она.

— Это ты кто такая?

Она больше не казалась мне такой огромной, как прежде. Доспехи определённо делали её фигуру крупнее, но точёное нежное личико обескуражило меня. Она выгнулась в спине и подскочила на ноги, подхватив меч. Не успел я опомниться, как девушка снова наступала, а я мог лишь отбиваться.

— Зачем ты это делаешь? — не унимался я.

Но она, раздосадованная, видимо, своим всплеском эмоций, насупилась и молчала. Противница выглядела совсем молодо, но сражалась умело. Если бы не проснувшаяся внутри новая сила, мне ни за что не удалось бы выжить.

Я тоже нахмурился. Неведомо кто поддерживал меня своей ци — и, как бы мне ни пришлось за это расплачиваться потом, я не хотел проиграть. Если бы

мне удалось узнать, что замышляли её люди и как им удалось объединиться с кочевниками, а потом преподнести эту информацию отцу, он, возможно, счёл бы меня не совсем бесполезным.

Последовала череда ударов, в которые я вложил всю новообретённую силу. Девушка ушла в защиту, но я подпрыгнул, крутанулся вокруг себя, и удар сбоку застал её врасплох. Она повалилась на землю.

— Признавайся, кто ты такая, иначе прикончу! — Я вложил в голос всю злость, на какую был способен.

Она ухмыльнулась почти беззлобно, беззаботно, будто кожа на её рёбрах не была распорота, а я не грозил смертью. В мои мысли закрались сомнения: уж не привиделась ли мне наша битва? Свободной рукой я схватился за пылающую щёку.

Да нет же, я — это я. Всё по-настоящему.

Но девушка не боялась меня.

— Ты демоница! — На моём лице отразился ужас.

Она расхохоталась.

— Уж кто бы говорил! — Её голос был звонок и резок.

— Ты сильно ранена, но не сдаёшься!

— А ты должен был сдохнуть ещё на поле! — Она вскочила как ни в чём не бывало.

— Ну уж прости, что я такой живучий!

— Мои шпионы ошиблись насчёт тебя! Но так даже интересней! — Она плотоядно улыбнулась, глаза сузились, а нос заострился, словно она была хищником, как мой отец.

Невольно в голову закралось подозрение: могла ли мне помогать отцовская сила? Мне всегда говорили,

что лишь старший сын может её унаследовать. И то после смерти главы рода, а он почти неуязвим и стареет в десятки раз медленнее смертных. Мой брат тоже проживёт нечеловечески долгую жизнь, но вот я-то обычный. Что во мне особенного? Я не знал. Только сила внутри, вскипавшая и рвущаяся наружу, говорила, будто что-то всё-таки есть.

— Ты подсылаешь шпионов! Сговариваешься с нашими врагами! Строишь козни! Я прикончу тебя! — Из горла вырвался нечеловеческий рык, я взмахнул мечом, желая разрубить её надвое.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

